

Иоанн Газский как ранневизантийский поэт

Алимова Оксана

БелГУ

785396@bsu.edu.ru

Газа – город в Юго–Западной Палестине, который играл значительную роль в ранневизантийский период истории региона. Древняя Газа была расположена в широкой части плодородной прибрежной равнины, в 4-5 км к востоку от моря. Наибольшего процветания город достиг в римскую, а затем византийскую эпохи, став важным торговым перекрестком и пунктом на пути христианского паломничества в Святую Землю. Официально город стал христианским только к концу IV в. Рассказ о разгроме язычества в Газе св. Порфирием Газским в 402 г. содержит житие, написанное его секретарем Марком Диаконом. Однако, став христианским, город достаточно неожиданно стал культурным центром и местом деятельности целого ряда авторов, в творчестве которых наиболее ярко проявился ранневизантийский культурный синтез: христианское содержание в античных внешних формах.

В V-VI вв. наибольшей популярности в империи достигла Газская школа риторики. Именно с ней связано множество авторов, оставивших значительный корпус текстов письменной традиции. В числе руководителей школы известны: Тимофей, автор трактата о животных гекзаметром (сохр. лишь пересказ); Эней Газский, в сочинении которого «Феофраст» христианство сочеталось с неоплатонизмом; Прокопий Газский – автор ряда христианских схолий и античных речей (диалексис, этопея, панегирик императору Анастасию); учитель риторики Хорикий (декламации, мелетии, эпиталями).

На сегодняшний день данная школа все более привлекает к себе внимание исследователей. Во Франции проведено уже три научные конференции о феномене Газской школы (2007-2013). Иоанн Газский - автор ряда анакреонтических стихотворений и одной поэмы («экфрасис» - описание предметов искусства) – единственный сохранившийся поэт Газской школы (не надо его путать с богословом, монахом, эпистолографом VI в. Иоанном из Газы). Ему посвящены работы таких зарубежных исследователей как G. Krahmer, E. Abel, G. Downey, P. Friedländer, G. Hanfmann, Al. Cameron, D. Lauritzen, L. Renaut, R. Talgam, D. Piccardi, F. Chiccorella, F. Bargellini, однако, в отечественной византологии и даже справочных изданиях о нем ничего не написано.

Иоанн Газский, прежде всего, важен как автор поэмы в 703 гексаметра (с ямбическим Прологом), описывающей фрески в зимних термах Газы, содержащие изображение христианского креста вместе с около 60-ю аллегорическими фигурами – персонификациями из античной мифологии. Это уникальное описание позднеантичной живописи в традиции «Картин» Филострата, но с христианским аллегорическим осмыслением. Ведутся дискуссии по расположению описанной в поэме фрески и датировки произведения. P. Friedländer относит эти термы к строительству в Газе в 535-536 гг. G. Krahmer датирует их VII в. на том основании, что Иоанн неправильно понял некоторые детали описываемой картины. Glanville Downey указал на схожесть с описанием в поэме Иоанна вновь найденных остатков античной мозаики Ge и Karpoi.

По мнению современных исследователей, Иоанн Газский как поэт был подражателем Нонна из Панополя и не мог, поэтому, жить раньше, чем в конце V в., но более вероятно – в VI, или даже в начале VII в. Из поэмы Иоанна мы также узнаем, что в Газе существовала роспись терм, изображавшая Атланта, который нес пламенеющий шар. В иконографии Софии Премудрости Божией одним из первых является ее изображение в персонифицированном женском облике. Поэма Иоанна – один из первых собственно византийских экфрасисов, как и цикл Христофора Коптского (Ant. Graec. II). Также Иоанн является автором шести анакреонтических поэм, предметы которых - от газского сезонного праздника роз (Розалий) до эпиталий (брачных поздравлений) в адрес местных влиятельных лиц. Эти стихи более традиционны.

Таким образом, творчество Иоанна Газского является уникальным образцом ранневизантийской поэзии в христианско–аллегорическом стиле, использовавшей едва ли не в последний раз классические античные поэтические размеры, и одним из первых, кто использовал символические персонификации античных идей, уже усвоенные христианской культурой.

Речи Фемистия как исторический источник

Гудов Дмитрий

БелГУ

722322@bsu.edu.ru

Фемистий (ок. 317–388 гг.) – позднеантичный философ и ритор, комментатор Аристотеля, впоследствии – государственный деятель, советник императоров Констанция II и Феодосия I; в 384 г. – префект Константинополя. Между 345 и 355 гг. основал в Константинополе философскую школу, но вскоре оставил преподавание ради политической карьеры.

Сохранились философские сочинения: три греческих комментария Фемистия: на «Физику», «О душе» и «Вторую Аналитику» Аристотеля; еще два дошли в еврейском переводе с арабского. От Фемистия дошли также 34 речи, из которых 19 либо непосредственно обращены к императорам, либо рассматривают издревле интересовавшие греков вопросы о природе власти, о способах правления, о войне и мире, о качествах идеального правителя. Остальные речи имеют или личный характер (№ 20 - «На смерть отца», № 33 - «О любви к детям»), или литературно-политический (№ 23 - «О софисте», № 25 - «О тех, кто говорит экспромтом», № 26 - «О том, как следует говорить философу», № 28 - «Рассуждение о речи» и др.). Этот последний раздел с литературной точки зрения наиболее интересен.

Во всех речах Фемистий постоянно и упорно говорит о своей любви к философии и восхваляет ее при каждом удобном случае. Особой любовью его пользуются Сократ и Платон, о которых он упоминает чаще, чем об Аристотеле, хотя последним он занимался специально. Упоминая имена Сократа и Платона, он прилагает к ним восторженные эпитеты.

К вопросу о значении ораторского искусства Фемистий, как и ко всем своим темам, подходит очень серьезно, и, может быть, только к этой теме он относится с подлинной любовью. Его оценка силы слова очень высока. В полемической речи «Против тех, кто не понял его речи о софисте», он, используя свой любимый прием - сравнение, говорит: «На войне пользуются различными видами оружия, одним для нападения, другим для защиты. Слово же - самый полезный вид оружия, более крепкий материал, чем железо, и им надо пользоваться и вместо панциря, и вместо меча» (№ 29). Он ставит перед ораторским искусством высокие задачи, считая, что оно должно создавать произведения, имеющие непреходящую ценность. «Не в том заключается красота речей, чтобы только что рожденные процветали, а более старые увядали, но в том, чтобы они в таком виде, в каком были созданы, сохранились на вечные времена» (№ 25).

Значение изучения данного источника очень важно, в них содержится огромное количество информации о характере и значении ораторского искусства. Большой интерес к работам Фемистия имелся уже в IV веке, а впоследствии они встречаются и на латинском, и на арабском языке. В этих речах запечатлен весь духовный уклад жизни того времени, как государственной, так и частной, поэтому речи Фемистия – важный исторический источник о культурных и духовных пристрастиях образованной константинопольской элиты 2-й пол. IV в., близкой ко двору. Кроме того, речи полезны для изучения истории риторики и высшего риторического образования как связующее звено между «второй софистикой» и Газской школой V-VI вв., так как Фемистий преподавал в высшей риторической школе столицы.

Историки, специально занимавшиеся наследием Фемистия, немного. Это Р. Пенелла, Г. Дауни, А. М. Болгова (риторика), Х. Блюменталь, М. А. Солопова (философия), Й. Вандерспозль (в целом). При изучении наследия Фемистия наиболее важны сравнительно-исторический и историко-генетический методы в русле концепции Поздней античности П. Брауна.

Главной проблемой исследования является выявление содержания и тематики столичной и придворной риторики и соотношение классического наследия и христианства в жизни и творчестве Фемистия.

В результате проделанного исследования мы пришли к выводу, что придворная и частная риторика в христианском Константинополе 2-й пол. IV в., как и риторическая школа, находились почти всецело в русле классической традиции.

Поняття «прекрасного» у херсонеситів в XII-XIVст.

Дудченко Дар'я

ХНУ імені В. Н. Каразіна
streluk-taras@rambler.ru

Категорія «прекрасного», незважаючи на багатомірове осмислення її сутності, досі залишається одним із проблемних питань як естетики, так і історії. По відношенню до різних історичних епох, народностей, етнохоронімів, поняття «прекрасного» зазнавало постійних модифікацій.

Дослідницький інтерес представляє собою з'ясування поняття «прекрасного» у жителів середньовічного Херсону на завершальному етапі функціонування міста, що пояснюється, по-перше, не розробленістю даної теми, по-друге, актуальністю звернення до антропоцентричної наукової парадигми, що розглядає людину як активного суб'єкта пізнання.

Матеріалом для дослідження послуговували результати археологічних розкопок (Г. Д. Белова, К. Е. Гриневича, К. К. Косцюшко-Валюжинича, А. Л. Якобсона, А. Рабіновича, Р. Хеннеберга та Л. Седікової, А. І. Романчук, О. Л. Берт'є-Делагарда та інш.), наративні візантійські джерела («Алексіада» Анни Комніни, «Ісміна та Ісмій» Евматія Макремволіта, «Повість про Дросиллу та Харікла» тощо), дослідження іноземних та вітчизняних істориків, які займалися висвітленням різних сюжетів з життя херсонеситів та візантійців (А. Гійу, М. І. Золотарьов, А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, А. М. Поляковська, М. Рауман, Т. Райс, А. Рабінович, А. І. Романчук, С. Б. Сорочан, Т. Яшаєва та інш.).

Для розуміння категорії «прекрасного» в естетиці найперше потрібно розуміти сутність поняття «естетичного», досить влучне трактування якого дав О. Ф. Лосєв: «Естетичне є вираження тієї чи іншої предметності, даної як самодостатня споглядальна цінність і обробленої як згусток суспільно-історичних відносин».

Як естетична цінність прекрасне відрізняється від теоретичних та моральних цінностей тим, що воно пов'язане з певною чуттєвою формою, зверненістю до споглядання чи уяви. При цьому «прекрасне» завжди носить безкорисний характер. При аналізі поняття категорії «прекрасного» на основі матеріалів середньовічного Херсону слід говорити про варіації залежно від соціальних, статевих та національних денсосігнацій серед неоднорідної маси жителів міста. Існування цих відмінностей пояснюється, перш за все тим, що Херсон був типовим провінційним візантійським містом, багаті жителі якого не пориваючи контакту з метрополією, продовжували вбирати в себе новомодні варіації в понятті «прекрасного», а представники нижчих соціальних верств при цьому зберігали сталість попередніх ідеалів.

Незаперечно потрібно враховувати й статевий аспект, оскільки при оцінці прекрасного, в силу різних (психологічних, моральних) особливостей чоловік та жінка схильні до різного розуміння даного поняття. Так, при оцінці чоловічої краси Анна Комніна виділяє такі критерії: ріст та симетрія тіла, колір очей та волосся чоловіка. Оцінюючи жіночу красу Евматій Макремволіт говорить про стрункість тіла жінки та ідеали форм обличчя. При оцінці національних особливостей найголовнішим критерієм може стати сприйняття надбань античного розуміння «прекрасного».

При аналізі археологічного матеріалу слід говорити що, по-перше, херсонесити були схильні вбачати прекрасне переважно у божественній красі, що пояснюється впливом догм християнства. При цьому «прекрасне» отримало відображення переважно в оцінці земної краси (представлена возвеличенням природної краси) так і небесної (ікони, фрески). По-друге, монохронічність та компліментарність поєднання кольорів при відображенні «прекрасного» є свідченням як власних, так і запозичених естетичних мірил. Отже, дослідження поняття «прекрасного» є досить новим, актуальним та перспективним напрямком в вивченні повсякденного життя херсонеситів. Дана робота намітила основні моменти при розробленні даної теми в подальшому.

"Византийский логос" Иоанна Малалы

Кобзева Антонина

БелГУ

kobzevaav31@yandex.ru

«Хронография» Иоанна Малалы, антиохийского монаха VI в., является одним из наиболее активно изучаемых в мировой науке ранневизантийских исторических сочинений. Помимо многочисленных отдельных статей, за последние два десятилетия выходили коллективные монографии в Австралии (Э. Джеффриз) и Франции (Ж. Бокамп), комментированный английский перевод. Однако, в отечественной науке, несмотря на длительную историю бытования сочинения в древнерусской литературе, достойных исследований, как и современного научного издания перевода, нет. Исключение – лишь небольшая монография Л.А. Самуткиной (2001).

Сложность и многослойность текста создают немало проблем, но, в то же время, являются благодатным полем для исследователя. Стабильного текста сочинения нет, в древнерусской версии есть места, отсутствующие в греческих рукописях. Древнерусский текст был издан в конце XIX в. На сегодняшний день из книг «Хронографии», посвященных византийской истории, переведены лишь XVIII (почти полностью; А. А. Чекалова), и отдельные места из кн. XIII-XVII (Л. А. Самуткина).

В целом произведение распадается на две половины: книги I-XII рассказывают о библейской и античной (греко-римской) истории до принятия христианства. Книги XIII-XVIII образуют «византийский логос», повествуя о событиях от Константина до Юстиниана включительно. Проблема нашего исследования будет заключаться в попытке комплексной характеристики «византийских книг» сочинения Иоанна Малалы. Источник – сама «Хронография». Методы: историко-генетический, сравнительно-исторический, анализа и синтеза.

Прежде всего, необходимо отметить известный парадоксальный факт – сочинение Малалы по всем признакам является скорее историей, нежели хроникой. Это развернутое повествование с попытками объяснения событий. Однако, к хроникальным его относят из-за легковесных объяснений, общего низкого культурного уровня автора, писавшего для такой же невзыскательной аудитории. Единственное исключение – книга XVIII, но она настолько отличается от остального сочинения (объемом, анализом событий, отсутствием антиохийского взгляда и др.), что существуют сомнения в ее принадлежности Малале.

Итак, книга XIII, состоящая из 50 глав, охватывает столетие от Константина до смерти Гонория и Аркадия. Константину посвящено 14 глав, Константину Младшему – 1, Константу – 1, Констанцию – 1, Юлиану – 8, Иовиану – 2, Валентиниану – 5, узурпатору Евгению – 1, Валенту – 2, Грациану – 1, Феодосию Великому – 9, Аркадию – 2, Гонорию – 3. Важны разделы о Константине в плане оценок христианизации, о Юлиане в сравнении с Аммианом Марцеллином и Зосимом. Интересно, что эпохе Аркадия, ключевой в истории рождения Византии, уделено крайне мало места. Книга XIV включает 47 глав от Феодосия Младшего до воцарения Зинона. Феодосию II посвящено 27 глав, Маркиану – 7, Льву – 12, Льву Младшему и воцарению Зинона – 1.

Небольшая книга XV включает 16 глав, целиком посвященных Зинону, включая 2 главы об узурпации Василиска. Начиная с книги XV, сочинение входит в ритм: одна книга – один император, отходя от характерного для «римских книг» принципа освещения в одной книге ряда императоров. Книга XVI (22 гл.) посвящена правлению Анастасия. Книга XVII рассказывает о Юстине (23 гл.).

Наконец, XVIII книга о Юстиниане состоит из 151 главы. Как уже отмечалось, лишь она может претендовать на звание полноценного исторического сочинения. Остальные книги достаточно поверхностны, зачастую уходят в занимательные экскурсы анекдотического характера (как, например, история с яблоком императрицы Евдокии) и т.п.

В целом книги «византийского логоса» образуют достаточно четко обрисованный единый цикл, начинающийся с христианизации и переезда империи в Константинополь. В этом убеждает хронологический принцип повествования у Малалы и структура книг XV-XVIII. Выявленное же Я.Н. Любарским деление «Хронографии» на библейско-античную историю и императорскую римско-византийскую (кн. X-XVIII), не совсем правильно: книга IX носит переходный характер, рассказывая о приходе к власти Октавиана.

***Відносини Галицького князівства з Візантією у контексті міжнародних зв'язків
середини–другої половини XII ст.***

Козачок Ольга

Інститут українознавства імені І. Крип'якевича НАН України

Olja_Kozachok@meta.ua

У середині XII ст. зусиллями князя Володимирка Володаревича відбулося об'єднання галицьких земель. Тоді ж у Візантії імператором став Мануїл I Комнін, з іменем якого пов'язують повернення колишньої могутності імперії. У другій чверті XII ст. загострилися відносини імперії з половцями, між ними у 1148 р. розгорнулася війна, тому Нижнє Подунав'я перебувало у сфері постійного стратегічного інтересу імперії. Крім того, галицький князь Ярослав Володимирович Осьмомисл мав великий вплив на хід війни Візантії з Угорщиною, втрутився у її відносини з болгарами та надав підтримку Андроніку Комніну – супернику за престол візантійського імператора Мануїла I. Хронологічні межі наукового пошуку обмежуються періодом до початку правління Романа Мстиславовича – утворення об'єднаного Галицько-Волинського князівства.

Попри активні династичні й дипломатичні відносини Візантії та Галицького князівства ще від початку XII ст., в історіографії контакти обох держав найповніше відображені за пізніший період – XIII–XIV ст. Дипломатія ж другої половини XII ст. залишається маловивченою. Деякі сторони цих відносин досліджені зусиллями сучасних українських вчених – Л. В. Войтовича, М. Ф. Котляра та російських – М. В. Бібікова, Г. Г. Літавіна, О. В. Майорова. Західноєвропейські науковці оминають увагою стосунки Візантії з Галицьким князівством, зосереджуючись на ролі імперії у хрестових походах та окремих фактах боротьби з кочівниками.

Щодо джерельної бази, то послуговуємося відомостями Київського літопису, працями візантійських хроністів – Іоанна Кіннама, Микити Хоніата, повідомленнями Євстафія Солунського. Використовуємо також «Хроніку поляків» Вінцентія Кадлубека та «Хроніку Великопольську», матеріал яких дає змогу доповнити та конкретизувати інформацію з інших джерел.

Об'єктом нашого дослідження є відносини Галицького князівства з Візантійською імперією у другій половині XII ст., а предметом – міжнародне становище обох держав як тло для формування стосунків галицьких князів і представників правлячих тоді у Візантії династій Комнінів та перших Ангелів.

Мета– проаналізувати умови й чинники формування відносин Галицького князівства з Візантією, визначити основні тенденції міжнародної співпраці, схарактеризувати роль Галицького князівства у захисті імперії від половців, візантійсько-угорській війні та повстанні братів Петра й Івана Асенів.

У ході роботи нам вдалося з'ясувати, що зв'язки між двома державами не ослабли, незважаючи на те, що в першій половині XII ст. на руських землях відбувався процес феодалного дроблення, а Візантія переживала політичні й економічні негаразди. Щобільше, війна з половцями наприкінці 40-х років перетворила візантійського імператора Мануїла I і Володимирка Володаревича на союзників.

Династичні шлюби були важливим інструментом зовнішньої політики, проте стверджувати, що вони виступали їх каталізатором або визначальним чинником не можна. Родинними зв'язками галицькі князі були пов'язані з династією Комнінів та правлячою династією Угорщини й це не завадило Ярославу Осьмомислу здійснювати вдалі дипломатичні маневри у ході візантійсько-угорської війни, а потім виступити проти обох держав, підтримавши повстання у Болгарії, яке, зрештою, привело до відродження Другого Болгарського царства. У ході цих подій роль Галицького князівства для Візантії змінювалася від захисного бар'єру проти вторгнення кочівників до істотного чинника зміни зовнішньої політики.

Розглядаючи події другої половини XII ст. на теренах Пд. і Центр.-Сх. Європи, вчені переважно зупиняються на дво- чи тристоронніх відносинах. Проте у випадку з Галицьким князівством та Візантією може йтися про багатовекторність стосунків, що потребує докладнішого дослідження меж перетину зовнішньополітичних орієнтирів.

К истории хозяйственной жизни ранневизантийской Газы

Козьякова Екатерина

БелГУ

700078@bsu.edu.ru

Проблемы истории отдельных городов Ранней Византии и их хозяйственной жизни являются одними из наиболее важных в современной византологии. Одним из наиболее ярких городов в таком отношении является Газа Палестинская. Различные аспекты ее истории изучали Ф.-М. Абель, Г. Дауни, Х. Сиван, Я. Чехановец, Б. Биттон-Ашкелони, А. Кофски, К. Глускер, Й. Хиршфельд и др. Проблема нашего исследования состоит в классификации основных форм экономической жизни ранневизантийского города на примере Газы – древнейшего города Палестины на средоточии торговых путей. Источники: «Житие Порфирия Газского», сочинения Прокопия Газского, Энея, Хорикия, Иоанна Газского и др. Методы: историко-генетический, контент-анализа.

Оживленный порт Газы (гавань Маюма) был наполнен судами всех видов, от лодок до тяжелых торговых судов и военных кораблей императорского флота. Многие лодки принадлежали семейным артелям. В порту звучали греческая, латинская, арамейская речь, а иногда и египетская. Газа почти всегда имела в своей гавани крупные торговые суда, которые составляли основу торговли Средиземноморья. Иногда корабль, везший пшеницу из Египта в Константинополь, останавливался в Газе. На рейс из Газы в Константинополь (ок. 1000 миль) требовалось 20 дней, включая остановки. Типичный торговый корабль мог перевозить 1200-1300 т зерна.

Сезон навигации продолжался с апреля по ноябрь. Славой вод Средиземного моря были великолепные корабли имперского флота. Они иногда появлялись в Газе в ходе их подготовки к войнам или маневрам. Кроме того, вандалы, которые завоевали Северную Африку, имели мощный флот в западной части Средиземного моря. В то время использовались преимущественно либурны и новый тип судов – дромоны. Окрашенные в синий и белый, цвета имперского флота, с позолоченными украшениями и яркими сигнальными флагами и огнями, корабли создавали прекрасный вид гавани. Караваны, которые приходили по суше с Востока, доставляли специи, ковры, шелк и хлопок, изделия из драгоценных камней и металлическую посуду.

Продукты самой Палестины, шедшие через морской порт, пользовались спросом. Фруктовые и финиковые плантации были весьма прибыльными. Сироп из Иерихона и вино из Галилеи были известны далеко за пределами провинции. Различные виды местных плодовых вин также отправлялись за море. Целые деревни были заняты производством керамической посуды, амфор, в которых вино можно было транспортировать по морю. Лен и шафран высокого качества пользовались большим спросом в империи. Оливковое масло не так много вывозилось из Газы, и Палестина в целом была не в состоянии производить этот важный товар на экспорт. В Палестине не росло достаточно пшеницы, чтобы удовлетворить большой спрос на хлеб, и пшеница должна была импортироваться из Кипра и Египта. Основная часть города лежала внутри страны, отделенная от гавани на расстояние трех миль. Таким образом, Газа наслаждалась всеми преимуществами морского города, но избегала пороков портовой жизни. Из-за постоянно набегавших песчаных дюн основную часть города не было видно из гавани, хотя город был построен на высоком холме в 50 м над окружающей пустыней.

Основная часть города была окружена стеной с тяжелой каменной кладкой, с башнями для защиты, размещенными в стратегических точках. Город был расширен за пределы своей первоначальной территории, и по склонам холма дома спускались до края окружающей равнины.

Местность между морем и городом представляла собой песчаные наносы, где лишь редко росла трава. Но хотя город лежал на краю пустыни, Газа и ее окрестности процветали, благодаря источникам пресной воды. В цистернах собирали дождевую воду во время

зимнего сезона дождей, с октября по март. Город, таким образом, имел возможность пережить жаркие, сухие месяцы долгого лета. Наибольшую опасность для города представляла засуха. Таким образом, процветание экономики ранневизантийской Газы зависело от порта на средоточии торговых путей и источников воды для сельского хозяйства округа. Ремесло обслуживало потребности морской торговли и земледелия.

Изучение истории Ранней Византии во Франции

Лопатина Марина

БелГУ

820301@bsu.edu.ru

Проблема изучения поздней античности и Ранней Византии – одна из наиболее актуальных в исторической науке. На смену идее дискретности уже более 30 лет назад пришла концепция трансформации, континуитета, созданная в Великобритании. Однако, важное место в изучении данного периода занимают также ученые Франции. Специальных исследований о современных французских учёных, изучающих ранневизантийский период, в отечественной литературе нет, что определяет научную новизну работы.

Основной центр изучения Византии во Франции - UMR 8167 Orient et Méditerranée, Centre d'Histoire et de Civilisation de Byzance, Paris (Национальный научно-исследовательский центр «Восток и Средиземноморье» (Париж, Сорбонна), Институт византийских исследований (Коллеж де Франс)). Не занимаясь специально теоретическими проблемами транзитивности, ученые данного центра сосредоточили основное внимание на конкретно-исторических исследованиях. Ранневизантийский период во Франции традиционно называется протовизантийским. Директор центра – Жан-Клод Шейне, автор обобщающих работ по истории Византии. Жак Шамп среди прочих тем занимается наследием Иоанна Лида. Вместе с Мишелем Дюбюиссоном в 2006 г. он издал в двух томах наиболее известное сочинение константинопольского бюрократа и антиквара VI в. «О должностях римского народа». Жильбер Дагрон - специалист в самых разных областях византистики, «мэтр французского византиноведения». Область его исследований направлена на различные аспекты религиозности в Византии, положение религиозных общин в империи, взаимоотношения византийской традиции с Востоком и Западом. Недавно в России вышел перевод его монографии «Император и священник».

Специалист по Ранней Византии и поздней античности Жоэль Бокам уже на протяжении более 40 лет изучает хронику Иоанны Малалы. Она возглавляет рабочую группу, цель которой – перевести на французский язык эту хронику с современным комментарием. В начале текущего столетия в контексте данных работ была выпущена коллективная монография о хронике Иоанна Малалы в двух томах. Ж. Бокам также изучает гендерные аспекты, «историю женщин», социальные практики и юридические нормы в ранневизантийском мире. Одно из наиболее важных ее достижений – монография «Le statut de la femme à Byzance (IVe-VIIe siècle)».

Достойное место среди прочих исследователей занимают Ангелики Лайу («женская история», экономика Ранней Византии), Константин Цукерман (социальная история и военное дело в Византии, ранневизантийский Египет), Дельфина Лауритцен (византийская поэзия V-VI вв.). Дени Фиссель рассматривает такие важные проблемы как христианская и византийская греческая эпиграфика и административная история позднего римского и ранневизантийского Востока. В рамках этого он работает над публикацией корпуса надписей протовизантийской эпохи и сборником греческих и латинских надписей Сирии. Также готовится общий сборник актов императоров и администрации империи с IV по VI в.

Значительное место занимают комментированные переводы письменных источников. Так, большим достижением французской византологии стало издание «Новой истории» Зосима, над которой работал Франсуа Пашу с 1971 по 1989 гг. Не меньшее значение для мировой науки имеет издание (и переиздание) «Библиотеки» патриарха Фотия в 8 томах под редакцией Рене Анри. Работающий в университете Нанта Эудженио Амато – один из наиболее авторитетных исследователей ранневизантийской культуры и литературы. Ряд его работ посвящен христианскому ритору и богослову, главе Газской школы риторики – Прокопию Газскому. Агиографическими текстами занимались Ипполит Делез и Эвелин Патлажан. Важным научным форумом последних лет стали три конференции о Газской

школе, проводившиеся во Франции. Ранневизантийская проблематика в Крыму находится в сфере научных интересов К. Цукермана.

Таким образом, французские исследования Ранней Византии занимают важное место в мировой византологии, не уступая более известной теоретическими обобщениями британской школе поздней античности.

Рождение Византии (395-408 гг.) глазами Зосима, Марцеллина Комита и Иоанна Малалы

Ниминская Алена

БелГУ

794800@bsu.edu.ru

Проблема окончательного разделения Римской империи на Восток и Запад после 395 г. и оформление нового политического режима в Константинополе не были предметом специального исследования в историографии, кроме книги Алана Кэмерона и статей Е.П. Глушанина, В.В. Серова, А.С. Козлова. Между тем, три важных ранневизантийских источника («Новая история» Зосима, «Хроника» Марцеллина Комита и «Хронография» Иоанна Малалы) позволяют в сравнительно-историческом ключе, с использованием метода анализа и синтеза, провести исследование с целью классификации основных факторов «рождения Византии» при Аркадии.

Зосим, писавший на рубеже V-VI вв. при Анастасии, посвящает событиям 395-410 гг. две книги – V-VI. Его повествование вполне развернуто и наиболее подробно. В главах V, 1-7 он рассказывает о событиях января-ноября 395 г., т.е. о регентстве Руфина, рейдах Алариха по Греции и политике Стилихона на Востоке. Историк сразу обозначает две наиболее существенные черты политического режима на Востоке: 1) засилье временщиков-фаворитов (начиная с Руфина); 2) готский фактор – засилье германских командиров в армии. Далее Зосим говорит о регентстве Евтропия (ноябрь 395 г. – лето 399 г.) в V, 8-17, показывая возвышение готов Гайны и мятеж Трибигильда. V, 18-25 повествуют о смерти Евтропия, попытке захвата власти готами и провале пугча Гайны, подавлении мятежных племен и роли патриарха Иоанна Златоуста в этих событиях, что можно выделить в третий фактор византийской политической истории того времени (у Зосима этого фактора нет в силу языческого характера его сочинения). К сожалению, в дальнейшем, до конца своего сочинения Зосим не обращается к событиям на Востоке, перенося акцент на Запад в преддверии падения Рима в августе 410 г.

Комит Марцеллин, автор латинской «Хроники» эпохи Юстиниана, пишет о событиях строго по годам в хронологической последовательности. Восток, Константинополь всецело находятся в центре его внимания при описании событий 395, 396, 397 гг. Относительно 398 г. к Востоку относится 1 пункт из 4-х. Снова только о Востоке говорится в разделах о 399, 400, 401 гг. Для 402 г. Восток занимает 2 пункта из 3-х. Опять только Восток – в 403, 404, 405 гг. Для 406 г. Византия удостоена 1 пункта из 3-х. 407 год целиком посвящен Востоку. 408 год в одном пункте из 3-х упоминает о Востоке (смерть Аркадия). Хронист имеет свою специфическую манеру повествования, отмечая среди политических и военных событий стихийные бедствия и столичные постройки в Константинополе. Однако и у него, как у Зосима, действуют те же факторы политического процесса – временщики и готы. Добавляет он лишь счет лет по консулам. Кроме того, для него была важна преемственность как роли Константинополя, так и политических традиций от Аркадия (точнее, еще с Константина - Феодосия Великого) до современного ему Юстиниана.

Наконец, автор «Хронографии» также времени Юстиниана антиохийский монах Иоанн Малала в XVIII книгах дает развернутое историческое повествование, особенно цельное и подробное в последней книге о современных ему событиях, но на фоне других императоров, которым для 2 пол. V - VI вв. посвящено по одной книге на каждого (начиная с Зенона), Аркадию и Гонорию он уделяет крайне мало места – соответственно, 2 и 3 главки в конце кн. XIII. Об Аркадии хронист успевает сказать, что он приехал из Рима, был быстр по жизни в своих движениях и создал военный корпус, названный по его имени. О временщиках и Златоусте Малала здесь не говорит, упоминая лишь мятеж готов Гайны. Хронология у него смешана, уплотнена, и, несмотря на иллюзию развернутого рассказа, содержательно текст Малалы в данном месте очень поверхностен не имеет значения важного исторического источника.

Таким образом, выделенные факторы политического режима при Аркадии представляют собой специфику его правления, которая в дальнейшем изживается, сменяясь при Феодосии II и далее другими факторами, более характерными для последующей византийской истории (роль двора, церкви, столичного города, партий цирка и др.)

Скифополь (Бейт-Шеан) - столица византийской провинции Палестина II

Скачко Светлана

БелГУ

stewart.sveta@yandex.ru

В ранневизантийское время, с начала V в., была образована провинция Палестина II, охватившая территории Галилеи и северной Самарии вокруг Генисаретского (Тивериадского) озера, включая Заиорданье. Ее столицей стал древний город Скифополь (Бейт-Шеан), расположенный к югу от озера, западнее реки Иордан. Историю ранневизантийской Палестины изучали Х. Сиван, Л. Левин, М. Ави-Йона, Дж. Эллиотт-Биннс, А.Г. Грушевой, Л.С. Чаковская и др., но специальной работы о Скифополе нет. Источниками исследования являются труды Страбона, Иосифа Флавия, Кирилла Скифопольского, церковных историков и иудейских авторов Поздней античности, опубликованные археологические материалы. Методы исследования: сравнительно-исторический, историко-генетический.

Город имел важное географическое положение на стыке долин Иордана и Йалуд (Харод). По долине Иордана на юг к Красному морю проходил древний торговый путь, Царская дорога. Долина Харод соединяет долину Иордана с побережьем Средиземного моря. По побережью моря шел другой древний путь - Via Maris. Бейт-Шеан находился на стыке Царской дороги и главного ответвления к Морской дороге. Скифополь занимал центральное положение в сети римских дорог, ведущих от Скифополя в Аравию через Пеллу и Герасу, в Дамаск и в порт Птолемаида (Акко).

Окрестности Бейт-Шеана славились высокими урожаями. В III в. рабби Шимон бен Лахиш восхвалял плодородия города: «Если рай находится на земле Израиля, его вход - Бейт-Шеан». В начале V в. монахи-оригенисты, бежавшие из Египта, решили поселиться в Бейт-Шеане, потому что многочисленные пальмы давали им сырье для торговли, производства веревок и корзин. Осадки в регионе, где располагался Бейт-Шеан, носили случайный характер, так как город находился на краю необъятной пустыни, простирающейся на восток в Галаад, и на юг, в Негев. Однако, изобилие и бесперебойная подача воды обеспечивались более чем 30 природными источниками, дававшими более 130 млн. м³ воды в год, что было достаточно для орошения всего региона.

Топографической доминантой города Бейт-Шеана является курган (телль), который поднимается на высоту около 80 м над уровнем реки Харод. Телль-эль-Хуш, или «Курган крепости», имеет крутые склоны и ограниченный доступ только вдоль седла, повышающегося от подошвы на северо-запад. С вершины открывается вид на плодородную долину Бейт-Шеана с ее многочисленными прудами и широко раскинувшуюся долину реки Иордан.

Бейт-Шеан получил статус города в период правления Селевкидов. Скифы, давшие имя городу, были ветеранами, которые поселились в плодородной области вокруг города на обильных пастбищах для коней. Город был известен своими антиеврейскими настроениями и использовался Веспасианом в качестве базы в его операциях против еврейских повстанцев летом 64 г. Значение города возросло в начале V в., когда римская провинция Палестина была разделена на три отдельные провинции, и Скифополь стал столицей Палестины II (до 409 г., так как город уже упоминается как метрополия в кодексе Феодосия).

В римский и ранневизантийский периоды Скифополь был крупным торговым центром. Его водоснабжение, его пастбища и торговые связи сделали его особенно подходящим для производства тканей. Эдикт Диоклетиана о ценах перечисляет пять местных «брендов» тканей, и скифопольские стоят на первом месте. Эдикт 374 г. упоминает государственную льняную фабрику для нужд армии в Скифополе (linyphia), и подразумевает различие между «linteones» (рабы на государственной фабрике), и «linyfos» (льняные ткачи). В ранневизантийский период в городе проживали 4 этноконфессиональные группы – христиане, язычники, евреи (иудеи), самаритяне. Первые две были в основном

грекоязычными, отчасти латиноязычными, но среди язычников были приверженцы и восточных богов. Между общинами существовали достаточно напряженные отношения. Христианизация окончательно побеждает в течение V в., но общины евреев и самаритян останутся влиятельными меньшинствами. В VI в. здесь жил Кирилл Скифопольский – один из важнейших писателей монашеской традиции Палестины.

Место страха в жизни ромея IV - IX вв.

Сыровацкий Павел

ХНУ имени В. Н. Каразина
darkbulbasaur@mail.ru

Страх – отрицательная эмоция, психическое состояние, возникающее на основе инстинкта самосохранения, как реакция на действительную или воображаемую опасность. Страх является неотъемлемой частью как одного индивида, так и общества в целом. Византийское общество не было исключением.

В ходе исследования сделана попытка определить место страха в жизни ромея, то, насколько византийское общество было подвержено страху, и в чем он проявлялся. Данная проблематика практически не привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей, так как они не ставили специальную задачу изучить место и роль страха в жизни византийцев. Тем не менее, среди отечественных исследователей данная тема косвенно затрагивалась в трудах Х. М. Лопарева, А. П. Рудакова, З. В. Удальцовой, Г. Л. Курбатова, С. Б. Сорочана, А. П. Лебедева, и др. Среди зарубежных авторов следует выделить Дж. Хэлдона, А. Каждана, А. Лайу, П. Янопулоса, Г. Вайса.

В основе исследования лежат труды византийских авторов: Феодорита Киррского, Прокопия Кессарийского, Евагрия Схоластика, Феофилакта Симокатты, Феофана Исповедника и патриарха Никифора. Используются агиографические источники (Житие Симеона Юродивого, Житие Симеона Столпника и Житие Иоанна Дамаскина), анализ которых позволяет более подробно изучить религиозные представления византийского общества.

При написании данного исследования были использованы общенаучные и специальные исторические методы (историко-сравнительный метод, метод исторической периодизации, историко-типологический метод, комплексный анализ).

Новизна данной темы заключается в том, что место страха в византийском обществе IV-IX вв. довольно слабо изучено и на данный момент не существует полноценного исследования, посвященного данной проблематике.

Целью работы является исследование проблемы восприятия страха в византийском обществе в период конца IV – IX вв.

На основании поставленной цели, возникает ряд задач:

1. Определить восприятие страха византийским обществом; выделить наиболее значительные фобии византийского общества.
2. Охарактеризовать наиболее весомые страхи ромейского общества; определить их место и роль в жизни ромея.

Учитывая то, что Византия являлась глубоко религиозным обществом, религия и Церковь играли немаловажную роль в формировании общественного сознания. Влияние христианства на повседневную жизнь Византии было большим, чем его влияние в каких-либо других христианских странах. Этим обусловлен один из величайших страхов ромея – отлучение от «церковного общества», так как обязательным атрибутом «истинного» римлянина (ромея) являлась принадлежность к христианству ортодоксального толка. Еще одним из наиболее сильных страхов византийского общества была боязнь «варваров» (готов, арабов, славян и т. д.), «чужаков» - ксенофобия, которая сопровождается надменностью и презрением по отношению к «другим» народам, в данном случае к народам не входящим в состав Ромейской империи и не признававшим власть императора (василевса). Довольно массовый характер имел страх перед различными эпидемиями и природными катаклизмами (топофобия), который, впрочем, был не так силен, как в других странах Европы (сыграло свою роль развитие науки и образования, а также централизованность государства, которая помогала уменьшить последствия подобных явлений). Значительную роль в византийском обществе играли страхи религиозного характера: страх перед Богом (теофобия), страх попасть в ад (гадефобия) и др. Наряду с

этим существовали также страхи житейского характера: страх быть разоренным (клептофобия) или обманутым, страх смерти (танатофобия), которые, тем не менее, были часто индивидуальными и не носили массового характера.

В ходе исследования при анализе письменных источников было выявлено, что страх занимал весомое место в ромейском обществе, отличавшемся глубокой религиозностью. Немаловажную роль сыграло цивилизационное развитие Византии, которое во многом смягчало суеверность (напрямую влияет на восприятие страха человеком) ромея, что отличает его от жителя других европейских государств периода IV – IX вв. Тем не менее, ромей как любой человек мог обладать как индивидуальными фобиями, так и фобиями, носившими массовый характер.

Личность Виссариона Никейского – феномен Палеологовского периода истории Византии

Ткачева Юлия

ХНУ имени В. Н. Каразина
yule4ka07-92@mail.ru

Поздний период византийской истории имеет свои особенности. Падение политической и экономической мощи государства, внешнеполитического престижа империи, угроза турецкого нашествия, неумолимое сокращение территории привело к появлению настроений, не характерных для предшествующих эпох. Одной из важных черт поздневизантийского общества становится появление латинофильского движения. Наиболее крайние его представители, к которым принадлежал и Виссарион Никейский, принимали католичество и эмигрировали на Запад. В этом исследовании предпринята попытка показать на примере Виссариона Никейского самоидентичность представителей латинофильского движения, их отношение к вопросам веры, внешней политике, социально-политическим проблемам Византии. Новизна исследования заключается в комплексном анализе личности Виссариона Никейского в контексте всего латинофильского движения, попытки выделить общие тенденции и уникальные черты его мировоззрения. Для достижения поставленной цели были использованы такие методы, как: синтеза и анализа, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный.

Необходимо заметить, что исследования отечественных историков, посвященные исключительно деятельности Виссариона Никейского (статьи М. А. Поляковской, Т. В. Куш, монография А. И. Садова) практически всегда рассматривают его исключительно с негативной стороны. Значительно полнее деятельность В. Никейского рассмотрена в трудах зарубежных исследователей (монографии Л. Молера, Д. Монфасани, К. Бьянки). Особого внимания заслуживает работа немецкой исследовательницы К. Мэртл «*Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus. Виссарион между различных культур*». Важнейшее значение имеют и общие исследования, посвященные истории политической мысли поздней Византии, поскольку они, так или иначе, касаются латинофильского движения. Особенно важными являются труды В. В. Сметанина, З. В. Удальцовой, И. П. Медведева.

Источниковая база включает в себя труды Виссариона Никейского, его переписку с интеллектуальной элитой Византии и Западной Европы. Среди его литературных произведений следует выделить следующие: «*Oratio dogmatica*», «*Responsio ad Ephesii capita*», «*Apologia inscriptionum Vessii*». Была использована также переписка других представителей латинофильского движения: Дмитрия Кидониса, Георгия Дуки Филантропина, Георгия Трапезундского, Мануила II Палеолога.

В ходе исследования были проанализированы вышеуказанные источники и литература, особое внимание было уделено сравнению воззрений Виссариона Никейского на различные социально-политические проблемы Византии с позициями других представителей латинофильского движения, что помогло установить общее и различное в их взглядах, сделать вывод о степени сплоченности и однородности этого политического течения.

В результате исследования мы пришли к таким выводам:

- 1) Патриотизм Виссариона Никейского был нетипичен среди представителей латинофильского движения, поскольку, несмотря на смену веры и эмиграцию, он рассматривал себя как патриота Византии, предпринимая шаги для улучшения положения своих соотечественников после падения империи и пытаясь сподвигнуть правителей стран Западной Европы к организации Крестового похода;
- 2) Позиция Виссариона Никейского относительно православной и католической веры была, в целом, характерна для представителей крайнего латинофильского течения, которые, в отличие от более умеренных латинофилов, рассматривали смену веры как логичное завершение неудавшейся в Византии Флорентийской унии. Не имея возможности практиковать унияство в Византии, они обычно иммигрировали из страны и принимали

католичество. 3) Самоидентификация Виссариона Никейского как византийца, «ромея», после принятия католичества изменилась незначительно. Он продолжал считать себя ромеем, который принял истинную веру.

О датировке Родосской битвы: 1099 г. или 1100 г.

Ткаченко Елена

ХНУ имени В. Н. Каразина
helentk@mail.ru

Родосская битва произошла между венецианцами и пизанцами, соперниками в борьбе за господство на Средиземном море и за рынки Византии, Сирии, Палестины, Западной Европы и южноитальянских городов-государств. Сражение, как сообщают источники, произошло в осеннее время. Остров Родос был местом стоянки многих кораблей на зимний период, когда мореходство по Средиземному морю приостанавливалось. В связи с этим мореходы Венеции и Пизы оказались в одном месте и в одно время. Пизанцы спровоцировали своих соперников, после чего началась битва, в которой принимали участие 30 венецианских и 50 пизанских кораблей. Венецианцы вышли из сражения победителями. Они потеряли, в общей сложности, всего четыре судна из тридцати, и при этом сумели захватить двадцать восемь кораблей своих противников и взять в плен 4000 пизанцев.

Источниковая база включает в себя различные виды нарративных источников: хроники – краткие венецианские анналы XII в. и Пизанские анналы; исторические сочинения византийских авторов – «Алексиада» Анны Комниной; и агиографические сочинения – «Перенесение мощей святителя Николая Чудотворца из Миры в Бари» неизвестного автора.

Описание данной битвы можно встретить у любого автора, который касается темы о первом крестовом походе: Стивен Рансиман, Дональд М. Николь, Джон Норвич, Н. П. Соколов, О. А. Добиаш-Рождественская и другие. Они не поддаются сомнению датировку анонимного «Перенесения мощей», которую впоследствии скопировали латинские хронисты. Однако сопоставление венецианских, пизанских и византийских источников неминуемо ставит под сомнение правильность датировки Родосской битвы 1099 г.

Непосредственным поводом к сражению стало оскорбительное отношение пизанцев к венецианцам. Впоследствии Венеция поняла, что Пиза хочет установить дипломатические и экономические взаимоотношения с Византией, а это могло подорвать монопольные права на рынках империи первых. Поэтому в результате битвы венецианцами было выдвинуто условие, что они отпустят подданных Пизы при условии не заключать договоров с ромеями. Это один из фактов того, что датировать сражение 1099 г. неверно. Ведь в это время Пиза только начала свое знакомство с Византией и пока не могла претендовать даже на самые малые права и привилегии на территории империи, поэтому Венеция могла не переживать по этому поводу. К тому же, император должен был вначале оценить их силы и после согласиться, что могло произойти только по окончании крестового похода, то есть после лета этого года.

Еще одним фактом является описание в «Алексиаде» Анны Комниной другой битвы около о. Родос осенью 1099 г., в которой принимали участие латиняне и ромеи. Из рассказа Анны можно сделать вывод, что в это время пизанские воины были перебиты византийцами, а о прибытии другой части их флота ничего не сказано. Да и венецианцы только начинали подготовку своего крестового похода, поэтому из простого расчета они бы не рисковали частью своего флота, даже при уверенности в победе.

Битва между пизанцами и венецианцами, скорее всего, произошла, в 1100 г. после того, как оба флота возвращались с крестового похода по святым местам к себе на родину. Кроме того, только в это время Пиза впервые объявила о своих намерениях заполучить торговые права и привилегии в Византии.

Из этого можно сделать вывод, что в сочинении неизвестного автора «Перенесения мощей» данное родосское сражение является анахронизмом, что можно утверждать по ряду причин. Во-первых, в 1099 г. купцы Пизы не задумывались о налаживании контакта с Византией, так как сотрудничали с ее соперниками – норманнами. Соответственно, венецианцы не выдвигали бы упомянутого ультиматума по итогам сражения. Во-вторых,

Анна Комнина в «Алексиаде» описывает другое сражение у о. Родос в 1099 г. при участии пизанцев. К тому же лишь в 1100 г. купцы Пизы обратили свой взор на рынки Византии, поэтому битва, по нашему мнению, состоялась именно в этом году.

Ромеї та єретики-дуалісти: до питання про зв'язок між політичною та релігійною ідентичністю у Візантії.

Трофімов Валерій

ХНУ імені В. Н. Каразіна

trofimoww@ukr.net

Питання ідентичності людей середньовіччя є вельми актуальним у світлі дискусій про співвідношення релігійної та імперської приналежності. Водночас самовизначення людської спільноти характеризується не лише її баченням самої себе, але й ставленням представників цієї спільноти до інших людей. Отже, тема ставлення візантійців до єретиків і навпаки є вельми актуальною з теоретичної точки зору.

Вищеокресленої теми торкалися такі вчені, як М. Грушевський, Г. Літаврін, С. Іванов, Ф. Дворнік, А. Власто, М. Лоос, М. Бартікян, Л. Гумільов та інші. Однак варто відзначити, що у їх дослідженнях переважають марксистський та етнічний підходи, які не пояснюють усіх феноменів.

Візантійські джерела з цього питання можна поділити на дві групи: ортодоксальні та єретичні тексти. З перших слід виділити “Корисну історію” Петра Сицилійського, твір патріарха Фотія “Про маніхеїв”, полемічний текст “Проти богомилів” Козьми Пресвітера, трактат Евтимія Зигабена “Паноплія догматика”. З єретичних джерел можна назвати “Таємне євангеліє”, “Апокаліпсис пророка Ісайї про майбутні літа”, “Про Адама та Єву”.

У дослідженні застосовувалися компаративний та функціональний підходи, а також цивілізаційний метод. Новизна підходу полягає у новій постановці питання (оскільки попередні дослідники питання ідентичності прямо не розглядали) та використанні функціонального підходу до соціальних явищ.

Для візантійців основною ознакою приналежності їхньої до спільноти була східнохристиянська релігія. У політичній думці панувала теорія симфонії, згідно з якою світські та церковні володарі повинні діяти спільно. Ортодоксальне християнство у Візантії, отже, було міцно прив'язане до державних інституцій. Політична суперечність доповнювалася економічними конфліктами між Візантією та нееллінськими територіями. Всі перелічені фактори викликали різке відторгнення візантійськості, негативну оцінку ромейської держави у християн-єретиків. Згідно з твердженням Петра Сицилійського, вірменські дуалісти-павликіяни називали себе християнами, натомість представників ортодоксального християнства — ромеями. Варто відзначити, що болгарські дуалісти-богомили також оцінювали візантійськість негативно, стверджуючи, що в Константинополі живе сам Диявол. Основою богомільської теології було протиставлення злого та доброго начал, боротьба яких визначала життя світу. Весь матеріальний світ включно з фізичним тілом людини вважався витвором Сатани. Варто звернути увагу, що потяг до пишності та розкоші у оздобленні була властивістю візантійського християнства та візантійської культури взагалі. В такому разі заперечення богомилами необхідності зовнішнього культу, їх відраза до матеріальних благ, можуть бути витлумачені не лише як вияв соціальної боротьби у феодальному суспільстві, але і як антивізантинізм.

Таким чином, оскільки східне християнство складало стрижень візантійської цивілізації, то воно прямо впливало на формування погляду візантійців на представників неортодоксального християнства. Отже, ставлення візантійців до єретиків будувалося виходячи з інтегративної функції православної релігії. Відповіддю на злиття церковного та державного у Візантії стала жорстка антивізантійська позиція єретичних рухів та їх відмова визнати себе представниками ромейської спільноти.

Политическая и социальная роль знатной женщины в Ранней Византии

Чуева Юлия

БелГУ

skachkova2010@yandex.ru

«Гений Рима, - писал Э. Гиббон, - умер вместе с Феодосием, который был последним из преемников Августа и Константина, появившихся на полях брани во главе своих армий, и власть которого была всеми признана на всем пространстве империи». Время сыновей Феодосия считается переходным периодом от поздней античности к ранней Византии. Здесь, по нашему мнению, важен не только политический и церковный вопрос, но и изменения в общественной жизни. Они не могли не затронуть обычаи и традиции в отношении поведения женщин. В рамках исследуемой проблемы впервые предлагается классификация видов общественной и политической деятельности женщин ранней Византии: политическая деятельность (императорский двор); общественная деятельность; политическая деятельность в провинции; церковная деятельность. Основными источниками по проблеме являются произведения Прокопия Кесарийского «Тайная история» и «История войн Юстиниана», «Хроника» Комита Марцеллина, «Хронография» Иоанна Малалы, сочинения церковных историков, агиография. Историография включает работы Ю.А. Кулаковского, А.А. Чекаловой, Л.П. Репиной, Ж. Бокам, А. Арьява, Л. Джеймс, К. Коннор, Э. Кларк. Методы исследования – историко-биографический, историко-генетический, сравнительно-исторический.

Выбранный период времени является ярким примером сильной политической власти женщин. Жена императора Аркадия Евдоксия имела большое влияние на мужа в политических вопросах, хотя ее политическая власть не была признана официально. Дочь Аркадия и Евдоксии Пульхерия имела в малолетство брата Феодосия огромную политическую власть, будучи регентшей, и получила титул августы. Фактически Пульхерия была императрицей, авторитет которой признавался повсеместно. Она имела и достаточно сильную личную власть в императорском дворце – примером может служить женитьба брата Феодосия на дочери афинского философа Афанаиде-Евдокии. Личная власть и политическая сила Пульхерии зиждилась на ее цельном христианском мировоззрении, активной политике и духовном совершенствовании. Она еще в отрочестве вместе с сестрами приняла обед безбрачия и являлась образцом христианской женщины, особенно на фоне нравов поздней античности.

Городская знать всегда была тесно связана с политической властью. Например, Аникия Юлиана - дочь римского императора Олибрия, покровительница искусств, меценат, эвергет. По отцу принадлежала к сенаторскому роду Анициев, а по матери (Плацидии) - приходилась внучкой императору Валентиниану III и Лицинии Евдоксии. Она активно занималась строительством церквей в Константинополе. Самым знаменитым зданием, построенным при ее поддержке, является храм св. Полиевкта, который считался на тот момент одним из наиболее роскошных.

Политическая деятельность в провинции напрямую зависела от центральной власти и настроений местного населения. Префекты провинций являлись как бы связующим звеном в государственной иерархии политической власти. Их жены и знатные придворные женщины не могли обладать официальной политической властью. Но влияние на политику и общественный авторитет они обеспечивали себе посредством давления на мужей. Ярким примером церковной деятельности женщины может служить Мелания Старшая, которая принадлежала к роду римских патрициев, была вдовой богатейшего римского префекта. После потери детей, пережив огромную утрату, вместе с Руфином Аквилейским она основала монастырь на Елеонской горе в Иерусалиме. Широко известна ее бурная просветительская деятельность в рамках христианской доктрины. Таким образом, важно различать сферу деятельности знатных женщин Византии исследуемого периода – она определялась не столько их социальным статусом, сколько (и даже почти исключительно)

личностными характеристиками и устремлениями. Это объясняет многообразие форм и видов деятельности женщин, социальное положение которых было изначально однотипным.

